

А.А. Космарский

КАК ВОЗМОЖНО ГОВОРИТЬ О ЛАТИНИЗАЦИИ?

Предложение включиться в публичную дискуссию о реформах письменности в современной России вызвало у меня определенное неудобство. И связано это не столько с отсутствием юридически окончательного решения вопроса¹, которое могло бы вообще закрыть дискуссию, сколько с жесткостью самого дискурса, который замыкает говорящего в уже сложившуюся систему аргументов и контраргументов. Задачу же данного текста я вижу в том, чтобы наметить иные варианты обсуждения посредством отстранения от существующих споров. В идеале такой замысел предполагает видение всего пространства дискуссии “как ансамбля точек зрения... взглядов, усваиваемых, исходя из определенной точки поля... Такая объективация предполагает установление дистанции по отношению к каждой из частных точек зрения” (*Бурдые* 2001: С. 72–73). Естественно – и к моей собственной.

Первый шаг к объективации – отказаться от позиции “лингвиста и тюрколога”, подкрепленной авторитетом институции, и, выступая в роли историка, наметить археологию идеи.

Исторически дебаты о смене алфавита зародились внутри позднеперестроечного дискурса “национального возрождения” в конце 1980-х годов. Споры шли не в политике или в рамках “чистой” науки, но в поле публицистики; понимание алфавита как нейтральной части языковой системы ушло на задний план, и обсуждались лишь его символические функции (как знака советского тоталитаризма в случае кириллицы, интеграции с западным миром – в случае латиницы, и с исламским – в случае арабицы)².

В тюркских республиках СССР/СНГ обычная последовательность шагов была такова: а) обнародование проектов национально ориентированной интеллигенции; б) развертывание широкой пропагандистской компании – или (гораздо чаще) прямой выход на начальство с целью законодательного утверждения реформы; в) реальное применение соответствующего закона/указа на практике в общенациональном масштабе.

Мне представляется, что сейчас в Татарстане процесс разворачивается по той же модели, и “латинизаторы” с конца 90-х годов выражают свою позицию почти теми же словами, что в конце 80-х³. Но такие черты ситуации 1990-х, как законодательное оформление языковой реформы, и, шире, использование ресурсов республиканской власти для введения в действие нового алфавита, или представление о латинском письме как ключе к современной цивилизации ведут свое происхождение от советских “графических революций” 1920-х–1930-х годов – самого, пожалуй, амбициозного в мире опыта смены/создания алфавитов (*Baldauf* 1993; *Алпатов* 2000: С. 38–91). Финальным решениям власти (массовая латиница, потом кириллица) предшествовали публичные споры между сторонниками неприкосновенности традиционной системы письма (арабицы), ее реформированных вариантов и латинского алфавита, причем участники дискуссии направляли свои усилия главным образом на то, чтобы убедить власть в целесообразности и политической адекватности именно своего проекта и получить таким образом доступ к финансовым и административным ресурсам для его реализации.

Советский опыт сопоставим с турецким, вьетнамским, индонезийским и другими – в конце XIX – первой половине XX в. принятие фонематического латинского письма воспринималось новыми элитами стран Азии и Африки как удар по отсталости и традиционализму, а также как один из необходимых, вместе с университетами и пулеметами, инструментов приобщения к современности (*modernity*)⁴.

Артем Аватольевич Космарский – студент Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова.

В самом же широком контексте, до нового и новейшего времени обретение или смена каким-либо языком письменности не была следствием централизованной языковой политики, а производилась в значительной мере стихийно. Успех или выживание письменности зависели главным образом от экстралингвистических факторов, причем не столько политических, сколько культурных/религиозных (что выражалось в престижности и авторитетности корпуса текстов, созданных на том или ином алфавите). Ситуация радикально изменилась в XIX–XX вв., когда в ходе национальных движений набрала силу идея литературного языка, воплощающего “дух народа”. Язык попал в сферу интересов модерного (а далее – и национального) государства⁵. Отсюда стремление формирующейся национальной власти взять под контроль столь яркий культурный знак, как письменность.

Итак, историзация: домодерн и модерн (о постмодерне – чуть позже). Но вернемся к дискуссиям 1990-х. Позиция “лингвиста из Москвы” (читай – относительно незаинтересованного специалиста, не принадлежащего к национальной интеллигенции) позволяет увидеть мифологичность/идеологизированность аргументов, озвученных с других позиций, но оставляет слепым к собственной ангажированности. Среди первых следует упомянуть и “интеграцию в мировое сообщество” с “покушением на целостность России” и “турецкой экспансией”, и “кириллица не соответствует звуковому ряду татарского языка” (элементарная ошибка – смешивается графика вообще с конкретным, удачным или не очень, алфавитом), и “угроза выживанию татарского этноса/языка” (этим страшат обе стороны), и сомнительные апелляции к “воле татарского народа”. Но главное – политизация языка предполагает его “деакадемизацию”, т.е. вывод за пределы юрисдикции профессионального сообщества, из области долгих, осторожных и вдумчивых реформ, требующих особой компетенции, в сферу лозунгов и ярких символических действий. И ученые, втягиваясь в это чуждое им пространство спора, оказываются в роли авторитетов, выносящих свой вердикт в публицистическом дискурсе⁶. Их (наше) решение, опирающееся лишь на лингвистический здравый смысл (а не на выстроенную систему доказательств) и память о прошлом опыте реформ, обычно оказывается консервативным: “Смена алфавита, который уже много десятилетий используется разными народами, может привести к целому ряду негативных последствий: разрушению сложившихся за эти десятилетия культурно-языковых традиций, массовой неграмотности, огромным материальным затратам. С научной точки зрения переход на другие системы письма мало оправдан” (Михальченко 1994: С. 23–24).

В свете изложенного стоит обратиться к опыту Узбекистана, где смена алфавита (с кирилло- на латинографический) была утверждена на государственном уровне в 1993–1995 гг. Работая там в 2002–2004 гг., я, как внешний наблюдатель, был избавлен от необходимости выносить суждения о целесообразности реформы и мог заниматься анализом языковых практик⁷. Возможно, некоторые выводы относительно узбекистанского опыта будут полезны для понимания и прогнозирования ситуации в РФ.

Принятый 2 сентября 1993 г. закон “О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике”, по своему духу и букве был вполне советским/модерным: новации вводились в директивном порядке, широким фронтом, а решение, принятое келейно, преподносилось как шаг навстречу “пожеланиям широкой общественности”. А дальше заработала логика постмодерна: логика разрывов, исключений, противоречий, например, между риторикой латинизаторского проекта, принятого властью в своих конъюнктурных целях, и половинчатостью его реализации (у постсоветских государств нет ни ресурсов, ни амбиций сталинского). Или: Ташкент, в отличие от Кремля, не всегда может влиять в этом вопросе на узбеков, проживающих вне Узбекистана, а также на казахов республики. Или: трудоемкого переучивания взрослых не проводится, и в печатных изданиях латиница функционирует не как

самостоятельный алфавит, а как знак лояльности к власти (в названиях газет и заголовках статей).

С одной стороны, мрачные предостережения об отрыве от традиции, тотальной нехватке литературы и “хаосе в головах”, судя по словам местных языковедов и педагогов, сбываются (относительно молодого поколения узбекистанцев, обучающихся родному языку на латинском алфавите). С другой стороны, новая графика обрела необычайную витальность в виртуальной среде, где тексты переводятся на латиницу одним щелчком мыши и зачастую удобнее использовать малоудачные лингвистически графемы “o`” или “g`” (из новой узбекской графики), чем лезть в таблицу символов за специфическими значками “У” или “Ғ”. Однако Сети невозможно силой навязать государственную письменность или государственный язык. Воссоздается древняя ситуация стихийной культурной конкуренции⁸, и сторонникам латиницы для успеха своего проекта в Интернете необходимо разработать заметное число популярных сайтов, на которые люди все равно будут заходить, невзирая на некоторые коммуникативные неудобства.

Наконец, сосуществование двух алфавитов (диграфия) в современном Узбекистане (плюс русский и английский языки/алфавиты) породило ряд интересных лингвистических явлений. Если в печатных текстах и сознании носителей языка подобное нагромождение график может ставить под вопрос будущее письменной культуры как таковой, то наделенная такими чертами урбанизированная среда (г. Ташкент) не лишена энергичности барочной полифонии. Особо мне были любопытны слова, исполненные латинским шрифтом, но чья языковая принадлежность вызывает сомнения: просто “что-то западное” – чаще всего в названиях фирм: “cafe Millenium”, “kafe Fant”, “salon Style” (салон красоты), или в обозначении типов заведений (“internet club”, “billiard club”, “supermarket” – это еще английский или уже узбекский? Не важно, главное – сама графика и ее семантика. Эти “иероглифичные” знаки – прохожий не прочитывает их пофонемно, *не проговаривает*, а реагирует на яркий зрительный образ – позволяют бизнесменам получать рекламные преимущества английского языка (“западность”, “модность”, “продвинутость”), не особо заботясь о реальном овладении им (даже об орфографической точности). Или русские слова, записанные латиницей (“mebel”, “videoprokat”, «klinika “Moskovskaya medecina”», “Domododovo aviakassa”) – то ли это переход на государственную латиницу с сохранением привычного для клиентов и/или владельцев русского языка, то ли новое узбекское слово – и тогда латинская графика облегчает освоение/присвоение из русского (автосервис и канцтовары – это еще на русском, а “avtoservis” и “kanstovarlar” – это уже на узбекском).

Читатель, верно, заметил, что стоит отказаться от вынесения авторитетного суждения (о пользе, вреде, цене или последствиях смены алфавита в масштабах республики), как переходишь к фиксации интересных деталей, семиотических артефактов, рискуя потерять ту часть своей аудитории, что занята “большими” проблемами власти и социума, а также навлечь на себя обвинения в несерьезности и равнодушии к будущему культуры изучаемого народа...

Примечания

¹ Закон от 15 ноября 2002 г., во-первых, регламентирует лишь государственные языки народов РФ, во-вторых, многими не воспринимается как неоспоримое решение.

² Хороший дайджест ранних (до середины 1990-х) дискуссий представлен в: Landau et al. 2001.

³ И не только в этой республике. «Нужно отметить, что в целом идеи “второй латинизации” опирались не на реальные потребности носителей языка, а были занесены на территорию Удмуртии ветрами пришедшегося на 1990-е годы процесса массового отказа от кириллицы в союзных и автономных республиках бывшего СССР» (Сахарных 2002).

⁴ «Латинизация арабского и любого другого “незападного” письма была вызвана не одними лишь недостатками такой графики по сравнению с европейской “колониальной” (английской, французской, голландской и др.) латиницей. Тем не менее, смена графики в самом деле была велением времени, свидетельствуя об успехах вестернизации... В самых общих чертах, можно утверждать, что перевод на европейскую/русскую графику был бы невозможен без внешнего толчка, а иногда и грубого давления. В то же время, этот процесс рассматривали как исторически прогрессивный и многие выдающиеся деятели культуры мусульманских стран» (*Добронравин* 1999). Надо также отметить, что латинизация (вообще, реформа традиционной системы письма) прошла более успешно на периферии соответствующих цивилизаций – среди тюрков и вьетнамцев, а не арабов или китайцев.

⁵ О взаимосвязи государственного строительства, национальных идеологий и литературных языков в Новое время см.: *Хобсбаум* 1998 (особенно С. 83–101). Логика “высокого модерна” прослеживается и в действиях федеральной власти, утверждающей поправками к закону о языках своего рода алфавитный суверенитет и прикладывающей усилия к совпадению алфавитных и политических границ.

⁶ Ситуация, опять же, не нова. Хотя в языковом строительстве 1920–1930-х годов были задействованы лучшие лингвистические кадры той эпохи (Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев и др.), использовавшиеся в споре сугубо научные аргументы не играли решающей роли. Скорее они служили метафорами (пример: фонемность и дискретность латинского письма – символ европейской четкости и рациональности), что нередко осознавали и сами языковеды.

⁷ Отсылаю читателя к своей работе (*Космарский* 2003), где рассматривается “археология идеи” смены письменности в 1990-е годы, ее связь с советским опытом языкового планирования, а также взаимодействие “государственного” алфавита и повседневного опыта его восприятия на примерах печатных СМИ, сферы образования, языкового опыта студентов, а также Интернета.

⁸ То есть отказ от использования государства-Левифана в частных языковых проектах – пусть все решает привлекательность текстов/авторов, пишущих на том или ином языке/алфавите. В этом пафос, например, статьи Д. Польшанского (см.: *Польшанский* 2005).

Литература

- Аллатов* 2000 – *Аллатов В. М.* 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000. С. 38–91.
- Бурдьё* 2001 – *Бурдьё П.* Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. М., СПб., 2001. С. 72–73.
- Добронравин* 1999 – *Добронравин Н.А.* Арабографическая письменная традиция Западной Африки. СПб., 1999 – цитирую по электронной версии рукописи, любезно предоставленной автором, и поэтому не могу указать страницы.
- Космарский* 2003 – *Космарский А.А.* Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI века) // Вестн. Евразии. М., 2003. № 3(20). С. 62–85.
- Михальченко* 1994 – *Михальченко В.Ю.* Языковые проблемы Содружества Независимых Государств // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С. 23–24.
- Польшанский* 2005 – *Польшанский Д.* “Византийское содружество наций” и его наследие. Судьбы кириллицы в XXI веке // Космополис. 2005. № 4 (10). С. 142–152.
- Сахарных* 2002 – *Сахарных Д.М.* Латинизация: очерк из истории удмуртской письменности // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... Альманах школы молодого автора. М., 2002. С. 103 (или <http://udmurtology.narod.ru/texts/latin.htm>).
- Хобсбаум* 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
- Baldauf* 2000 – *Baldauf I.* Schriftreform und Schriftwechsel bei den Muslimischen Russland- und Sowjeturken (1850–1937). Вр., 1993.
- Landau et al.* 2001 – *Landau J., Kellner-Heinkele B.* Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States. L., 2001. P. 124–130.